

Е. В. Рахилина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)*

Л. О. Наний

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)*

О СИСТЕМНОСТИ В ЛЕКСИКЕ: «ПРЯМЫЕ» И «КРИВЫЕ» СЕМАНТИЧЕСКИЕ СДВИГИ*

Данная работа проводилась в рамках исследований по лексической типологии. Статья посвящена семантическим сдвигам в паре ‘прямой’ / ‘кривой’ на материале русских и китайских признаков слов: *прямой, извилистый, изогнутый, кривой* в русском и 直 zhí, 曲 qū, 弯 wān, 歪 wāi в китайском.

Были показаны три общих метафорических перехода в зоне ПРЯМОЙ, а также специфичные для русского и китайского т. н. имплицативные переходы, которые, однако повторяются на более широкой выборке языков.

Интересной особенностью поля кривизны является роль оценки. В этой зоне различаются оценочные (рус. *кривые руки / программы*, кит. 歪理 wāi lǐ ‘дурацкая (букв. кривая) логика’) и безоценочные (рус. *извилистый путь / разговор*, кит. 弯路 wānlù ‘извилистый (букв. изогнутый) путь’) метафоры.

Некоторые переходы повторяются не только в несвязанных друг с другом языках, но и в истории одного и того же языка. По-видимому, таков переход ‘форма’ → ‘функция’ в истории русского языка для прилагательного *кривой*.

Ключевые слова: лексическая типология, русский язык, китайский язык, семантический сдвиг, ‘прямой’ и ‘кривой’.

Введение

Как историк языка Виктор Маркович Живов много занимался историей понятий, связанной с трансформацией одних смыслов в другие. Причины таких семантических переходов могут быть самыми разными, в том числе и социолингвистическими:

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 14–06–00343А «Научно-информационный портал по признаковой лексике: физические свойства в языках мира». Русский иллюстративный материал в статье, если не оговорено особо, приводится по Национальному корпусу русского языка.

культурный контекст, влияние одного языка на другой в период тесных контактов и прочие исторические и культурологические факторы, бесспорно, играют здесь немалую роль. Но он был лингвист, и его не могла не интересовать задача построения пусть условной, но «парадигмы возможностей», которая в языках реализуется¹. Если представить себе, что такая матрица существует и что действительно язык выбирает путь своего развития в данной «точке роста» из некоторого ограниченного числа возможностей, то в ней исторические исследования должны пересечься с типологическими: разные языки и один и тот же язык на разных этапах своего развития черпают из одного источника. Объединение усилий историков русского языка и синхронистов могло бы дать эффект погружения в такой теоретический дискурс (может быть, его бы пришлось для этого специально придумать?), который стал бы интересным для теоретиков и типологов, с одной стороны, и историков языка — с другой. Пока они по большей части существуют отдельно друг от друга, но сближение тем, задач, методов и инструментов необходимо.

Этот сюжет мы и обсуждали с Виктором Марковичем — прежде всего на материале типологии глаголов боли (проект, который в свое время разрабатывал наш семинар по лексической типологии), но и другие наши проблемы его тоже интересовали — в частности, семантические переходы признаков слов. Он присылал на наши занятия своих учеников (так мы познакомились и подружились с Франческой Биаджини), а вот совместных семинаров, как думали, так и не удалось устроить.

О маленьком фрагменте нашей типологической работы мы хотели бы рассказать в этом сборнике — в память об этих разговорах.

1. О задаче работы и методах ее решения

Объектом описания в этой статье будут семантические сдвиги в паре ‘прямой’/‘кривой’ на материале русских и китайских признаков слов — в русском это *прямой, извилистый, изогнутый, кривой*, в китайском — 直 *zhí*, 曲 *qū*, 弯 *wān*, 歪 *wāi*. Наша задача — исследовать метафорические переходы от источника (в терминологии классической теории метафоры — SOURCE, см. прежде всего [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1993] и многие другие), т. е. прямых, пространственных значений зоны ПРЯМОГО, к так называемым «мишеням» (в английской терминологии — GOAL или TARGET), представляющим результирующие значения интересующих нас сдвигов. Сопоставительные исследования такого рода нужны, чтобы ответить на вопрос, насколько специфичны отношения между источником и мишенью для данного языка, какой компонент значения в них устойчив, а какой — подвержен изменению. Это — путь к поиску типологии в лексике, который в сегодняшней лингвистике только начинается (см. подробнее обзоры [Рахилина, Плунгян 2007; Кортъевская-Тамм 2008; Рахилина, Резникова 2013]).

¹ Ср. пилотный проект Базы данных по семантическим переходам, который создавался несколько лет под руководством А. А. Зализняк (см. [Зализняк 2001; 2006] и др.).

Действительно, классические работы по лексической семантике вначале, в 1960–1980-е годы, по понятным причинам уходили глубоко в исследование одного конкретного языка (в частности, русского — благодаря хорошо известной деятельности Московской семантической школы). В сопоставительных же работах принято акцентировать культурно обусловленные *различия* между языками. Многие проекты развивались на основе моноязычных исследований лексики — они акцентировали специфику передачи концептов в системе конкретного языка. Ср. в этом ряду прежде всего работы А. Вежицкой и К. Годдарда [Вежицкая 2001; Goddard 2006; 2008], а также, например, [Voroditsky 2001; Levinson 2003] и некоторые другие. Благодаря последнему (в сущности, неогумбольдтианскому, или неорорфианскому) подходу мы уже узнали многое об *особенностях* языковых систем в отношении семантической информации, в частности об особенных концептах, свойственных только русской языковой картине мира, таких как ‘удаль’ или ‘широта’ (см. [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]).

Между тем есть и другая типологическая задача: она состоит в том, чтобы все-таки, при всех различиях и особенностях языков, увидеть в их семантических системах то общее, что обеспечивает их единство, и понять, существуют ли в них семантические *универсалии* и какого рода (см. на славянском материале [Толстая 2008; Толстой 1995], в особенности [Толстой 1963; 1966]). Заметим, что неогумбольдтианство отталкивается от тех теоретических построений, которые навязывали языкам *полное* когнитивное *тождество*. Прежде всего это относится, конечно, к структурализму: как инструмент описания семантики компонентный анализ не мог отразить почти никаких известных сегодня параметров лексико-семантических различий языковых систем. В такой теории языки, лексика которых механически «собиралась» из одних и тех же семантических компонентов, оказывались в гораздо большей степени похожи, чем на самом деле. Теперь положение иное: открыто столько различий, что перестало быть заметно общее. Однако адекватное описание различий возможно лишь на фоне некоторого набора универсалий — только тогда можно говорить, в какой степени то или иное явление и в самом деле лингвоспецифично, да и сами ожидания специфичности тоже должны укладываться в определенную систему.

Вдобавок компонентный анализ совершенно не был приспособлен для описания динамических языковых процессов, таких, например, как семантические переходы. Но и классическая теория метафоры не объясняла, могут ли различаться такие переходы в языках мира и за счет чего, — скорее доминировала идея об их несовместимости (ср. [Dobrovolskij, Piirainen 2005]). Однако верна ли она? Наш материал по типологии глаголов боли [Брицын и др. 2009], плавания [Майсақ, Рахилина 2007], вращения [Круглякова 2010], по признаковым словам [Кюсева, Рыжова, Холкина 2012; Кашкин 2013; Холкина 2014] и др. свидетельствует, что различия в стратегиях метафоризации возникают на фоне устойчивых корреляций между определенными семантическими полями. Так, глаголы горения и деформации являются стандартными и практически универсальными источниками для образования предикатов боли (ср. русск. *глаза жжет, в боку колет* и др.). Глаголы

пассивного плавания на поверхности, сопряженного с качанием предмета на воде, развивают значение нестабильности (ср. англ. *floating currency*). Прилагательные с семантикой ‘острый’ часто метафоризируются как описывающие раздражающий (острый) вкус. Однако для того, чтобы установить такого рода универсалии или фреквенталии, нужно обследование широкого языкового материала и постепенное его обобщение.

С этой точки зрения мы обсуждаем здесь (на примере китайского и русского лексического материала) переходы в зоне ‘*прямой*’/‘*кривой*’, опираясь на описание прямых и переносных значений соответствующих прилагательных в этих языках, представленное в [Наний 2012].

2. ‘Прямой’: исходное значение

Поле ‘прямой’ бедно в русском: оно представлено только прилагательным *прямой*, которое, согласно толкованию МАС [МАС III: 551–552], означает ‘ровно вытянутый в каком-л. направлении, без изгибов’. Для того чтобы китайский был сопоставим с русской системой, мы оставили здесь для сравнения только однослог 直 *zhí*², который в Большом китайско-русском словаре толкуется как ‘прямой, прямолинейный (без изгибов); прямо, напрямик’ [Ошанин 1983, 2: 304], а в Словаре современного китайского языка — как ‘образующий прямую линию, антоним ‘кривой; извилистый’ [ССКЯ: 1748].

Как видим, обе лексемы имеют в виду *форму объекта*, апеллируя фактически к ее противоположному состоянию, которое описывается как ‘кривое’. Представления человека о прямой и непрямой форме настолько базовые, что их трудно определить иначе, чем друг через друга. И русские, и китайские словари пытаются, каждый по-своему, выйти из этого порочного круга, но безуспешно. Ср. в МАС:

‘прямой’ — ‘без изгибов’;

‘кривой’ — ‘не прямой, изогнутый’ [МАС II: 129], ср. также толкование в [Бабаева 2010].

² Действительно, сопоставление «один к одному» (*zhí* VS. *прямой*) кажется довольно естественным. Нельзя забывать, однако, что в китайском развита система корнесложения и наряду с *zhí* в зоне ПРЯМОГО сосуществует еще не менее десятка двуслогов, причем некоторые по своему значению практически тождественны основным употреблениям *zhí*. Подробно их семантическое распределение описано в [Наний 2016]. Из этого описания видно, что, с одной стороны, двуслоги не порождают никаких парадоксальных значений, неожиданных с точки зрения лексической типологии ПРЯМОГО, так что в некотором смысле их, что называется, «можно не считать». Семантически они значительно уже *zhí* (и это типично для двуслогов); многие используются только в метафорическом значении. С другой стороны, если расширить область сопоставления и включать в нее китайские двуслоги, тогда, по-видимому, потребуется учитывать русское словообразование, существенно расширяя само исследование, и включать в рассмотрение русские сложные слова с корнем *прям-*, такие как *прямодушный* или *прямолинейный*.

3. Общие направления развития значений для русского и китайского ‘прямой’

Если исходным значением можно и в том, и в другом языке считать определенную форму предмета, то инвариантом производных значений, причем, как нам кажется, в обоих языках, была бы идея непосредственной связи (см. рис. 1):

Это решение нетривиально вот в каком отношении: признак формы прототипически характеризует *единичный* объект, тогда как (непосредственная) связь всегда устанавливается между какими-то *двумя* сущностями. В таком случае метафорическое отображение (mapping) оказывается не таким прозрачным, как должно быть при простом отображении исходной структуры в структуру-мишень. Заметим, однако, что прямая форма подразумевает, что описывается вытянутый объект (т. е. такой, у которого длина/высота больше ширины и толщины), причем пространственно ограниченный.

Последнее означает, что имплицитно в ПРЯМОМ все-таки есть идея двух ближайших крайних пространственных точек одного объекта — они и переинтерпретируются метафорически, приобретая новую концептуализацию. При переинтерпретации, которая происходит во время перехода из поля-источника ФОРМА в поле-мишень, в центр внимания попадает пространственный или виртуальный *путь* между некоторыми двумя объектами, такой, что на этом пути нет никакого третьего, промежуточного объекта — тем самым связь между ними оказывается непосредственной.

Как показывает наш материал, в обоих языках примеры переходов такого рода распадаются на три группы и, соответственно, представляют три когнитивно значимые зоны-мишени, как это видно на рис. 2:

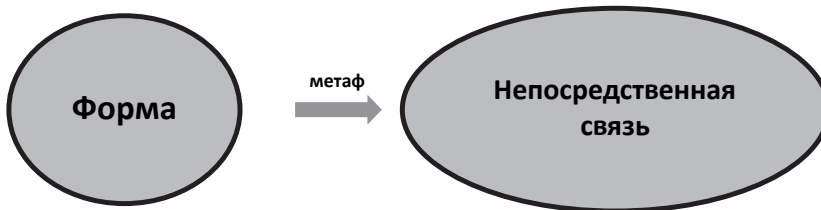

Рис. 1. ‘Форма’ → ‘Непосредственная связь’

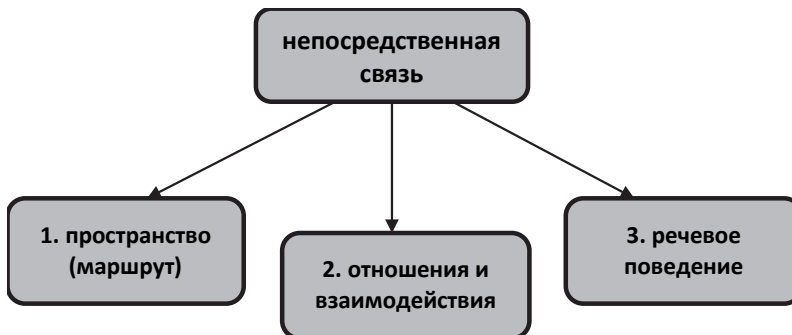

Рис. 2

В следующих разделах этой статьи (3.1–3.3) мы коротко, не входя в детали, охарактеризуем каждую из реализаций предложенного нами инварианта данной метафоры — с акцентом на сопоставлении китайского *zhí* с русским *прямой*.

3.1. ‘Форма’ → ‘Непосредственная связь двух независимых точек пространства (маршрут)’

В этом случае метафоризация состоит в том, что пространственные точки уже не принадлежат одному предмету — они независимы и существенно удалены друг от друга, их связывает только путь (= расстояние между ними), который преодолевает движущийся субъект (ТРАЈЕКТОР в терминологии [Langacker 1987]). Ср. соответствующие примеры из русского и их китайские аналоги:

- (1) *прямой маршрут* <из Пекина в Москву>; *прямой поезд*, *ехать прямо* в Лондон <из Парижа>
- (2) 广州 — 巴黎   直航   今天   开通
Guǎngzhōu — Bālí   zhí háng   jīntiān   kāitōng
Гуанчжоу — Париж *прямой*.рейс сегодня открыть.проходить
Сегодня открывается прямой рейс Гуанчжоу — Париж.

Еще раз обратим внимание на то, что в толковании этой ситуации-мишени присутствуют две переменные как две точки пути: начальная и конечная. Одноместные конструкции возникают либо за счет поверхностного опущения соответствующих аргументов, либо за счет метонимического переноса: *прямой поезд* как ‘поезд, следующий прямым маршрутом’.

3.2. ‘Форма’ → ‘Отношения и взаимодействия’

В этом случае поле-мишень уже не пространственно: оно описывает отношение или взаимодействие двух субъектов (*зависимость, подчинение*)³. Однако в нем также нет промежуточного этапа, а именно промежуточного, третьего действующего лица, которое также было бы участником описываемой ситуации, ср. следующие примеры из русского и китайского:

³ Часто метонимически так описываются и сами субъекты этих отношений, ср. русск. *прямой потомок / наследник / преемник / начальник*. Интересно, что в китайском в таких случаях используются только двуслоги поля прямизны или специальные словосочетания, но не однослог 直zhí, ср.:

直系	继承人	
zhíxì	jìchéng rén	
прямой.узы	наследник	
<i>прямой наследник</i>		
直接		上司
zhíjiē		shàngsī
прямой.соединять (= непосредственный)	начальник	
<i>прямой начальник</i>		

(3) **прямое подчинение, прямо связано / зависит**

(4) 直 辖 区
zhí xiá qū
прямой управлять район
район **прямого подчинения**

直 选
zhí xiǎn
прямой выбирать
прямые выборы

3.3. 'Форма' → 'Речевое поведение'

Ту же связь мы видим в третьей группе употреблений, которая также достаточно прозрачным образом реализует наш инвариант, причем тоже в обоих языках. Теперь он проявляется в речевом поведении людей: *говорить прямо* значит говорить непосредственно то, что думаешь. Здесь тоже есть две точки: начальная и конечная, а также своего рода путь, который их соединяет. В качестве начальной точки выступает мысль — ее говорящий пытается вербализовать в рамках данного речевого акта, а в качестве конечной — семантика того, что он в результате говорит. Признаковое слово со значением 'прямой' указывает на отсутствие каких-либо дополнительных, промежуточных установок или мыслей, способных усложнить этот путь⁴, ср.:

(5) **прямой ответ; говорить прямо**

(6) 我 直 言 你 别 生气!
wǒ zhí yán nǐ bié shēngqì
я **прямо** говорить ты NEG сердиться
*Я скажу **прямо**, ты не сердись!*

Метонимически интерпретируются сочетания признака 'прямой' с обобщающим именем лица ('человек/люди') или главным свойством человека ('характер/натура'), ср. *прямой характер* (= характер прямого/прямолинейного человека = такого, который говорит непосредственно то, что думает). В китайском в атрибутивной

⁴ Ср. также фразеологическое сочетание *прямая речь*, где в качестве начальной точки выступает не мысль говорящего, а сказанное или написанное кем-то другим, но переданное буквально, не своими словами и без дополнений. В китайском языке этот смысл выражается двусловом 直接 zhíjiē 'непосредственный' (букв. 'прямой' + 'соединять'):

直接 引语
zhíjiē yǐnyǔ
непосредственный цитата
лингв. *прямая речь*

позиции однослог 直zhí описывает в основном речь или характер, но в предикативной позиции может описывать и человека:

(7) 直 性子
zhí xìngzi
прямой характер
прямой характер

(8) 这个人 很直
zhège rén hěnzhi
этот.CLF человек очень.прямой
этот человек прямой

Сочетания типа *прямой человек/характер* описывают некоторое поведение: непосредственность, откровенность и искренность, иногда доходящую до грубости.

Замечательно, что в обоих языках явно выделяются именно эти три — очевидным образом очень значимые для человека — абстрактные ситуации, которые объединяются в одной лексеме с исходным значением формы:

- 1) маршрут,
- 2) связь или отношение между людьми и
- 3) отношение между мыслью и способом ее вербализации.

Будучи мишенью метафоры, все эти фреймы обнаруживают явное структурное сходство с исходной идеей прямой формы, так что отображение SOURCE в GOAL здесь происходит как простое отображение (mapping), без каких-либо проблем, связанных с несопоставимостью исходного и результирующего полей. Можно предположить, что такого рода «когнитивно прозрачные» переходы легко воспроизводятся в разных языках, другими словами, мы ожидаем, что они типологически релевантны. В подтверждение наших ожиданий результаты такого перехода обнаруживаются в обоих языках — и в русском, и в китайском⁵.

4. О лингвоспецифичных направлениях развития ‘прямой’

4.1. Нестандартные семантические переходы

Известно, что семантические сдвиги могут быть сложнее простого отображения — например, за счет того, что значение мишени естественным образом усложняется благодаря так называемому имплицативному компоненту. Имплицативным принято называть такой дополнительный компонент значения, который обозначает некоторую второстепенную ситуацию, при определенных обстоятельствах естественно следующую из основной. Иногда такой компонент «склеивается»

⁵ Кроме того, по нашим данным, по крайней мере англ. *direct* и фин. *suora* употребляются во всех трех значениях, англ. *straight* и лит. *tiesus* имеют значения ‘ближний путь’ и ‘прямота в речи и характере’, тур. *düz* объединяет значения ‘непосредственность’ и ‘прямота в речи и характере’.

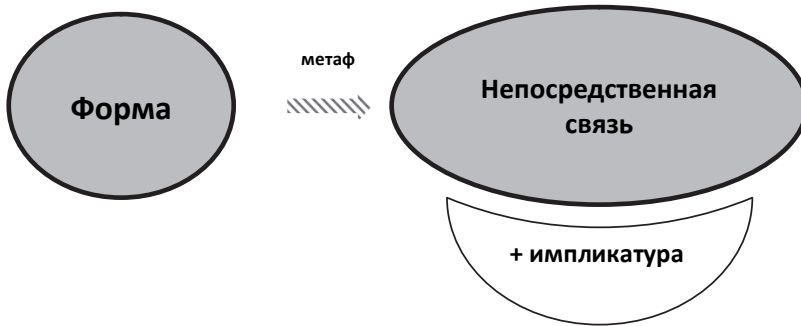

Рис. 3

с основным значением при семантическом переходе, существенно усложняя его семантически (ср. рис. 3).

Однако часто именно виду такого усложнения может осуществляться совмещение совершенно непохожих друг на друга полей, в том числе и принадлежащих разным акциональным классам, а также имеющих разный качественный и количественный набор ролей и под. Ср. известные случаи перехода процесса в состояние, такие как *резать хлеб* → *резать в боку* (о боли), *плавать (в пруду)* → *плавать на экзамене* (ср. [Кустова 1998; Падучева 2004; Рахилина 2010]), или в деятельность: *крутиться (о колесе)* → *крутиться под ногами* [Рахилина, Прокофьева 2004] и др. В свое время мы отмечали связь лексических имплицативных переходов с давно и подробно описанным процессом грамматикализации (см. [Рахилина 2010: 450 и след.]). В частности, признаковые лексемы при имплицативном переходе (в [Рахилина 2010] мы назвали его *ребрендингом*) попадают в зону грамматических и квазиграмматических значений, ср. переходы из признаковой зоны в зону интенсивности (*острый нож* → *острые ощущения*), оценки (*фантастический фильм* → *фантастический успех*), одновременности (*дружный класс* → *дружное негодование*) и др. под.

Сейчас в связи с типологией семантических переходов признаков формы этот тип переходов интересует нас с другой точки зрения. Дело в том, что сами по себе следствия, которые оказываются встроены в семантику при таких переходах, конечно, не случайны, они предсказуемы. Но они необязательны и нетривиальны — и поэтому в принципе они не должны непременно воспроизводиться в языках. Остается вопрос: в какой степени они, тем не менее, повторяются, например, в зоне 'прямого', в нашем случае на материале таких разных языков, как русский и китайский. В следующих подразделах (4.2–4.4) мы рассмотрим три перехода: первый реализован в китайском, но не в русском, второй — только в русском, третий релевантен для обоих языков.

4.2. 'Непрерывно, все время'

Этот переход — из пространственного значения формы во временное, которое в контекстах, подобных представленному в примере (9), можно было бы перевести словом *напролет*, свойствен китайскому языку:

- (9) 雨 没有 停过, 直 下了 一 夜
 yǔ méiyǒu tíng guò zhí xià le yī yè
 дождь NEG остановиться.EXP прямо спускаться.PERF один ночь
Дождь не останавливался, лил всю ночь напролет.

С семантической точки зрения он, безусловно, необычен, хотя вид имеет самый заурядный: время, будучи категорией абстрактной и ненаблюдаемой, метафоризируясь, концептуализуется через зрительно воспринимаемое пространство, уподобляясь ему. Другими словами, TIME IS, как известно, SPACE. Однако универсальность этой формулы совсем не так ясна [Haspelmath 1997: 140].

Обычно ее применяют, подразумевая два сорта довольно простых, сверхчастотных и действительно, наверное, универсальных переходов.

Первый касается событий как статических точек на воображаемой оси. Ясно, что поскольку сама ось — объект пространственный, то события-точки будут мишенями пространственных метафор и результатами очень естественных и прозрачных метафорических переходов, ср.: *перед обедом* как *перед шкафом*, *через два часа* как *через гору*, *дотянул до сессии* как *дотянул <веревку> до забора*.

Переходы второго типа связаны с преодолением пространств. Чем больше пространство, тем больше человеку нужно времени, чтобы его преодолеть (и наоборот). В таких случаях действительно языковые средства измерения пространства как категории физического, непосредственно воспринимаемого человеком мира заимствуются временными маркерами, но не за счет эффекта сходства, а за счет смежности этих ситуаций, т. е. метонимии, а не метафоры. Так ведут себя, в частности, *большой/маленький*, *длинный (долгий) / короткий*, *редкий/частый* и другие общие для пространства и времени признаки. Одновременно в языках есть и собственно временные признаки, которые не смежны пространственным ситуациям и поэтому никогда не заимствуются из пространственной сферы. К таким относится ‘старый’ или ‘быстрый/медленный’: у них совсем другие семантические источники — прежде всего, быстрые и медленные ситуации (подробнее см. [Rakhilina, Plungian 2013]).

На этом фоне переход из формы в непрерывность интервала кажется семантически непрозрачным: в отличие от стандартных переходов, в нем есть импликатура. Ее можно было бы описать так:

Если связь между началом и концом интервала непосредственная, то внутри этого интервала нет перерывов, этот промежуток времени целиком заполнен.

За счет этой импликации у китайского 直 zhí возникает значение ‘непрерывно, все время’⁶. Заметим, что соответственно меняется аргументная структура: нет конечных точек, как в пространственном переносе формы на маршрут (3.1), акцентируется постоянство состояния или процесса во времени.

⁶ Кстати, у англ. *straight* тоже есть такое значение, ср. *I have been listening to ‘Shepherd Moons’ for three days straight* «Я слушал ‘Shepherd Moons’ три дня напролет» (British National Corpus).

Итак, данное значение получается благодаря имплицатуре:

(SOURCE: 'прямая форма' →)

IMPL: 'непосредственная связь <временных точек>' →

GOAL: 'отсутствие разрывов в задаваемом ими временном интервале'.

Сдвиг нетривиальный, в русском языке такой имплицатуры нет: *прямо три дня* не значит 'напролет' и нельзя сказать: *дождь прямо лил* в значении 'не переставая'.

4.3. 'Прямой' как немедленный и безусловный

Между тем у русского *прямо* развивается свое нетривиальное значение, ср.:

(10) *позвоните прямо сейчас / Прямо в эту минуту Госдума обсуждает законопроект Дмитрия Гудкова...*

Примеры типа (10) апеллируют к другому рода имплицатуре, касающейся непосредственной связи между событиями:

Связь между событиями как точками на временной оси тем непосредственнее и сильнее, чем ближе они друг к другу на этой оси.

(SOURCE: 'прямая форма' →)

IMPL: 'непосредственная связь <временных точек>' →

GOAL: 'минимальный временной интервал между событиями'.

Точкой отсчета может стать момент речи — тогда значение дейктично и в идеале совпадает с моментом речи (*прямо сейчас*), но отсчет может вестись и от уже введенного в дискурс события (анафора — *прямо через минуту*). Заметим, что это значение ярко демонстрирует смежность пространства и времени как сопряженных характеристик одной и той же ситуации, а следовательно, их тесную метонимическую связь, о которой мы говорили раньше. А именно: если событие настолько приближено к точке референции, то у его участников нет времени, чтобы существенно изменить его пространственную локализацию, т. е. если оно происходит сейчас, значит, и здесь. Отсюда употребления типа (11), в которых в сферу действия *прямо* попадают не временные, а пространственные (локативные) параметры ситуации:

(11) *прямо здесь / прямо в столовой / прямо туда / прямо оттуда*

При этом ситуация смежности, как и должно быть в случае метонимии (в отличие от метафоры), не позволяет нам однозначно выявить направление семантической связи: от пространства к времени (как положено по всем канонам, заданным еще локалистами⁷) или, что кажется даже более логичным в данном случае, от времени к пространству. Для метонимического отношения главным является сама связь между этими параметрами⁸.

⁷ Подробное обсуждение локалистской гипотезы о том, что все абстрактные значения восходят исключительно к пространственным, дается в [Плунгян, Рахилина 2000].

⁸ Заметим, что метонимическое попадание не-временных и не-пространственных участников ситуации в сферу действия *прямо* в таких контекстах малоестественно, ср.: *?прямо поэтому*,

Как видим, описанный переход тоже непрозрачен, в нем важна имплицативная составляющая, которая, хотя и вполне естественна и предсказуема с семантической точки зрения, существенно перестраивает исходный смысл и сочетаемость *прямо* и делает производные контексты слишком специфическими⁹.

4.4. Дискурсивное ‘прямо’

Тем не менее ни имплицативная природа результирующего значения, ни возникающая из-за нее лингвоспецифичность не означают абсолютной уникальности мишеней соответствующих семантических переходов.

Хорошим примером тут служат дискурсивные слова: обретение словом дискурсивного значения (которое можно рассматривать как частный случай (квази)грамматикализации) всегда возникает при активном участии имплицативного компонента: именно он способствует вытеснению исходного значения, которое практически выветривается в процессе дискурсивного сдвига. В области дискурсивных слов повторяющиеся в языках имплицатуры встречаются достаточно регулярно. В частности, как свидетельствует работа [Лучина 2014], специально посвященная типологии дискурсивных значений признака ПРЯМОЙ, в языках воспроизводится такой его дискурсивный семантический дериват, который в русском языке свободно употреблялся бы в контекстах с дискурсивным *просто*, заменяя его как близкий квазисиноним (подробнее см. [Бабаева 2006] и др.), ср.

(12) *прямо* герой / *просто* герой

Непосредственного аналога (в контексте этой статьи следует, конечно, сказать «*прямого* аналога») — в значении, описанном в разделе 3.2) в китайском для такого ‘прямо’ нет: однослог *zhí* его не развивает. Однако на базе однослога *zhí* и другого однослога *jiǎn* со значением ‘просто’ в китайском функционирует двуслог *jiǎnzhí*, который имеет очень похожий круг дискурсивных употреблений, ср. (13)–(14):

(13) 我 简直 不 知道 怎么 办
 wǒ jiǎnzhí bù zhīdào zěnmē bàn
 я **просто.прямо** NEG знать как делать
Я прямо/просто не знаю, что делать.

⁹прямо для этого, ^{??}назначил прямо Петю, *прямо я и проч. В подобных случаях используется квазисиноним *как раз*.

⁹ В китайском языке у однослога 直 *zhí* (и у производных от него двуслогов) нет значения одновременности (*直现在 *zhí xiànzài* / 直接现在 *zhíjiē xiànzài* *‘прямо сейчас’), хотя он может употребляться во временном значении ‘вплоть (до)’: 直到18世纪末 *zhí dào 18 shìjì mò* ‘вплоть до конца 18 века’. Только производные от 直 *zhí* двуслоги свободно употребляются в локативных контекстах (他径直走到了那把圈椅旁 *tā jìngzhí zǒudào nà bǎ quānyǐ páng* ‘он подошел прямо (букв. ‘тропа’ + ‘прямой’) к тому креслу’, 他还派人直接到乡村了解情况 *tā hái pài rén zhíjiē dào xiāngcūn liǎojiě qíngkuàng* ‘Он также послал людей непосредственно (букв. ‘прямой’ + ‘соединять’) в деревню, чтобы разобраться в ситуации’).

- (14) 这 简直 是 活 受罪!
zhè jiǎnzhí shì huó shòuzuì
это просто.прямо быть живой страдать
Это *прямо/просто* наказание!

Ясно, что типологическая релевантность «прозрачных» переходов, построенных на основе простого отображения, выше, чем имплицативных, — но это слишком общее утверждение, нужны масштабные исследования и тех и других, причем как синхронные, так и исторические. Теперь мы рассмотрим с этой точки зрения поле ‘кривой’.

5. О семантике ‘прямого’ и ‘кривого’

5.1. Антонимы?

Мы уже говорили о близости/базовости этих значений формы — она объясняет трудности, с которыми сталкиваются лексикографы при их описании: по сути дела, ‘прямой’ — это не ‘кривой’, а ‘кривой’ — не ‘прямой’: ‘прямой’ — значит, ‘без изгибов’, а ‘кривой’ — ‘изогнутый’. Таким образом, эти антонимичные друг другу зоны кажутся совершенно тождественными по своей структуре, зеркально отображенными друг в друга. Однако в принципе антонимичные поля так же трудно сопоставимы, как и поля синонимов, и причина здесь даже более очевидна: круг объектов, к которым применим отрицательный признак, всегда другой, чем тот, для которого естественно его положительное значение.

Иллюстрацией может быть и пара ‘прямой’ — ‘кривой’, причем, как кажется, наше исследование переносных значений ПРЯМОЙ помогает это увидеть яснее. Действительно, в описанных только что семантических переходах исходное значение формы (SOURCE) выступает не как абстрактная категория, а как форма наблюдаемых конечных объектов — вытянутых и имеющих две крайние точки (или два множества крайних точек). Прямой форма будет тогда, когда для ее описания окажется достаточно этих двух точек и расстояния между ними, преодолеваемого взглядом наблюдателя, без промежуточных ориентиров. Оно минимально и практически соответствует математическим представлениям о прямой, проходящей через две точки.

‘Кривой’ описывает отклонение не от прямой, а от *исходной* формы [Рахилина 2000: 162–167] и, следовательно, строго говоря, является отрицанием ‘прямого’ не всегда, а только в тех случаях, когда исходной действительно оказывается прямая форма, ср.: *кривые колонны, столбы, гвозди* и под. Чаще всего это артефакты, тогда как природные объекты имеют свою непрямую исходную форму, ср. русск. *кривой рот* (как отклонение от исходной формы), но **прямой рот*. Природные пространственные объекты, такие как русло реки, тропинка, берег (= береговая линия) и под., как правило, вообще не имеют канонической формы, а значит, не имеют и отклонений от нее — их форма описывается иначе, причем способ лексикализации различается в зависимости от того, один у них изгиб (ср. *изогнутый*) или много (ср. *извилистый*).

5.2. О роли оценки в зоне ‘непрямого’

Здесь существенно замечание С. М. Толстой [Толстая 2008: 275] о том, что «ни один словарь не обращает внимания на очевидно присущий семантике слова *кривой* (причем уже в его первичном, “физическом” значении) оценочно-нормативный компонент». Действительно, словарь [Ожегов, Шведова 2006] в качестве толкования основного значения *кривой* дает ‘не прямой, изогнутый’. Как видим, толкование не содержит оценочного компонента, как если бы в русском *кривом* его не было. В то же время в качестве иллюстративных примеров словарь приводит явно оценочные сочетания — *Кривая линия. Кривое зеркало* (дающее искаженное изображение). Любопытно, что почти такое же семантически нейтральное толкование дает и МАС: ‘не прямолинейный, изогнутый’. Между тем нейтральное толкование с некоторыми оговорками может быть применимо разве что к первому, почти терминологическому примеру этой словарной статьи — *Кривая сабля*. Остальные же явно оценочны, ср.: *Это был человек еще не старый, росту невысокого, — с кривыми ногами от постоянной прежней езды верхом. Достоевский, Записки из мертвого дома. Он вынул из кармана огурец, маленький, кривой, как полумесяц. Чехов, Новая дача. || Покосившийся, перекошенный. Ворота все кривы, и крыльцо шатается. И. Гончаров, Обломов.*

Это не случайно: русский язык (как и многие — если не все — другие) лексически различает оценочное и безоценочное описание объекта в семантической зоне ФОРМА. Легко видеть, что прилагательное *кривой*, имеющее значение *отклонения* от нормы, маркирует первое и невозможно при втором. Тогда выбираются прилагательные *изогнутый* и *извилистый*, у которых нет ни пресуппозиций относительно канонической формы объекта, ни ярко выраженного функционального компонента значения. Поэтому в дальнейшем мы будем различать эти два типа контекстов и отдельно рассматривать типологически релевантные направления развития соответствующих значений.

6. Русская и китайская системы

6.1. Исходные значения

В китайском языке структура этого поля очень похожа на русскую: противопоставлены исходно оценочное 歪 wāi ‘кривой, перекошенный’ и безоценочные слова, характеризующие прежде всего **вытянутые природные объекты** (и некоторые артефакты) **непрямой формы**. В обоих языках для их лексической характеристики важно количество изгибов: один или больше. Объекты с одним изгибом — брови, шея, клюв, рог, руки, губы, а также стволы деревьев, палки и подобные им ножи, шпаги, башни, мебельные ножки и др. — описываются русским отпричастным (и поэтому по умолчанию имеющим значение единичного результата) прилагательным *изогнутый*. Об этом свидетельствуют частотные контексты с наречиями *слегка изогнутый, сильно изогнутый, изогнутый вниз, к земле* и под.¹⁰

¹⁰ В принципе, *изогнутый* может применяться и к поверхностям — и по умолчанию, вне специального контекста, тоже выражает идею однократного изгиба: *Робот ловко взбежал*

Сочетаемость однослогов китайского языка сильно уже, поскольку их в современном языке вытесняют двуслоги, но аналогом русского *изогнутый* можно считать однослог 弯 wān. В его сочетаемость входят слова, обозначающие артефакты продолговатой формы (*нож, трость, труба*), созданные человеком объекты, имеющие топологию линии (*дорога, канава*), и слова с более общим значением (*место, форма*):

- (15) 麻 表哥 拄着 一根 弯 树 棍子。
 Má biǎogē zhǔzhe yī gēn wān shù gùnzi
 Ма двоюродный. опираться. один.CLF **изогнутый** дерево палка
 брат PRG

Старший двоюродный брат Ма опирается на изогнутую деревянную палку. (Leeds)

- (16) 上面 有 弯形的 抽屉 和 金色的 把手。
 shàngmian yǒu wān xíng de chōuti hé jīnsè de bǎshǒu
 сверху иметь **изогнутый.** выдвижной. с золото.цвет. ручка
 форма.ATR ящик ATR

Наверху у него выдвижной ящик изогнутой формы с золотистой ручкой. (Leeds)

Дороги, тропинки, улицы и под., с одной стороны, а также реки, ручьи, русла, ущелья и под. — с другой, имеющие вытянутую форму со свойственными ей естественными множественными изгибами, характеризуются в русском прилагательным *извилистый*, которое, будучи производным от глагола *виться* со значением кругового движения, предполагает больше одного изгиба¹¹:

- (17) *Извилистый берег гавани был весь усеян парходами и парусными судами.*
 [А. И. Свирский. Рыжик (1901)]

Аналогом русского *извилистый* в древнекитайском был однослог 曲 qū, у которого в современном языке не осталось свободной сочетаемости, но это его значение сохранилось в некоторых устойчивых сочетаниях, ср.:

- (18) 曲径 通幽
 qū jìng tōng yōu
извилистый.тропа проходить.скрытое
извилистая тропа ведет в уединенное место

Двуслог 弯曲 wānqū, описывающий *вытянутые природные объекты* (и некоторые артефакты) *непрямой формы* в современном китайском языке и состоящий из однослогов 弯 wān ‘изогнутый’ и 曲 qū ‘извилистый’, не маркирован в отношении количества изгибов (но по-прежнему противопоставляется оценочному 歪 wāi):

по изогнутой стене к куполу потолка, подал руку Ирине Александровне, усадил ее в кресло. [Е. Велтистов. Миллион и один день каникул (1979)].

¹¹ Особняком стоят множественные изгибы поверхностей (ср. *ребристый, волнистый*), а также сложенные, свернутые и спиралеобразные объекты (*витой, вьющийся*) — о них мы здесь говорить не будем.

(19) 一条 弯曲的 山间 小道
 yítiáo wānqū de shānjiān xiǎodào
 один.CLF изогнутый.извилистый.ATR гора.между маленький.дорога
извилистая горная дорога

(20) 一根 弯曲的 木棍
 yīgēn wānqū de mùgùn
 один.CLF изогнутый.извилистый.ATR дерево.палка
изогнутая деревянная палка

Впрочем, часто, чтобы подчеркнуть большое количество изгибов, двуслог *弯曲* wānqū может редуплицироваться:

(21) 弯弯曲曲的 小路
 wānwānqūqū de xiǎolù
 изогнутый.изогнутый.извилистый.извилистый.ATR маленький.дорога
извилистая тропинка

6.2. Метафоры безоценочной зоны

В целом русская и китайская безоценочные зоны НЕПРЯМОГО развиваются очень похоже, производя метафорическое значение, которое можно было бы описать как ‘непрямой путь достижения цели’, ср. русск. *извилистый путь, извилистый разговор / рассуждение / ход мыслей*. При этом в обоих языках оно не образуется в функциональной оценочной зоне (т. е. не бывает производно от признака ‘кривой’). Однако есть и различия: в русском его источником становится идея *многократного* изгиба *извилистый*, тогда как прилагательное со значением однократного изгиба *изогнутый* вообще не имеет метафор:

(22) *Не буду описывать извилистых путей моих размышлений, сразу же скажу о выводе.* [А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009]

(23) *изогнутый путь

В китайском, наоборот, метафоризируется лексема *弯* wān с исходным значением ‘изогнутый’, тогда как *曲* qū ‘извилистый’ в сочетании с ‘путем’ (вернее, сохранилось лишь сочетание с ‘тропинкой’ — *曲径* qūjìng ‘извилистая тропа’) имеет только прямое значение.

(24) 终于, 在 走了 不少 弯 路 之后 我们 拿到了 签证。
 zhōngyú zài zǒu le bù wān lù zhīhòu wǒmen nádao le qiānzhèng
 наконец LOC идти. NEG. изогну- до- взять.
 PERF мало тый рога после мы RES. виза
 PERF

Наконец, пройдя немало извилистых путей, мы достали визу. (corpus.leeds.ac.uk/query-zh.html)

В параллель к китайскому можно вспомнить устаревшее русское *окольный*, немаркированное по многократности изгибов и восходящее к корню *коло-* ‘круг’ (ср. *около*). В современном русском языке оно сохранило только переносные значения, в основном в контексте пути: *окольные тропы, путь, дорога* и под. Такой путь длиннее прямого, но выбран сознательно и поэтому не имеет отрицательной оценки. Он может соотноситься как с физическим перемещением (*окольные дороги короче прямых*), так и с абстрактным движением к цели (*изыскивал окольные пути добывания денег*).

7. Метафоры в зоне ‘кривого’

По сути дела, это устойчивые, застывшие метафорические формулы, фиксирующие отклонения от принятой в обществе нормы — прежде всего, нормы логики, здравого смысла и истины, а также морали, с явно выраженной отрицательной оценкой. Они реализуются и в русском, и в китайском с рус. *кривой* и кит. 歪 *wāi* ‘кривой, перекошенный’. Ср. русск.: *кривой человек/душа, кривая мысль, кривой суд* (устар.), *кривая дорожка*, ср. также *кривда*, а также кит.: 歪念头 *wāi niàntou* ‘неприличная/дурная мысль’, 歪风 *wāi fēng* ‘вредная тенденция’, 歪理 *wāi lǐ* ‘ошибочная (+ оценка дурацкая/нездоровая) логика’, 歪路 *wāi lù* ‘кривая дорожка’.

В русском языке в подобном «этическом» значении *кривой* уже не встречается, примеров в НКРЯ очень мало, по большей части до XX в., а позже — это уже скорее стилизации:

- (25) *Оно и понятно: боги обитают высоко на небесах, человек их не видит; но когда осенние дожди топят его нивы и разрушают его насаждения — он знает, что это — кара Зевса за «кривой суд», творимый на городской площади.* [Ф. Ф. Зелинский. Древнегреческая религия, 1918]
- (26) *И говоришь ты, ровно поешь, и голос у тебя, как у кенара, а никогда я тебе не верил. Чувствовал, что кривой человек. — Не знаю, что тебя так расстроило, — нервно сказал Иван Эдуардович.* [Л. Зорин. Глас народа (2007–2008) // «Знамя», 2008]

Однако в прошлом это значение, бесспорно, существовало: ср. слово *кривый* в словаре [Срезневский I] имеет значения 1) ‘кривой’, 2) ‘неверный’, 3) ‘виновный’, 4) ‘ложный, лживый’, ср. приводимую им цитату из «Поучения» Владимира Мономаха: *ни права ни крива* (= ‘ни правого, ни виноватого’) *не оубивайте*.

Между тем в современном русском на базе *кривого* быстро развивается новая метафора с семантической мишенью ‘кривой как плохо функционирующий’, ср. следующие примеры из Яндекс-блогов (27)–(29) и даже НКРЯ (30):

- (27) *У вас кривая* <= плохо работающая > RSS — *исправьте*.
- (28) *Или я так криво* <= плохо, невнимательно > *следила за этим*.
- (29) *Я его как-то криво* <= недостаточно аккуратно, не учла все ошибки > *отредактировала*.

(30) Если не хотите с самого начала делать **кривые** <= плохие> книги, а потом считать, что так и надо, — читайте только Симонова [Реставрация книг. Переплетное дело. 2010]

Сам перенос значения из визуально воспринимаемой пространственной зоны (несоответствия эталонной форме) в функциональную (несоответствие функции) содержит имплицативный компонент: если имеется несоответствие стандартной функции, то работа плохо выполнена, а полученный в результате артефакт неисправен, как в примерах (27) или (30).

Употребления с такой семантикой *кривой* фиксируются в НКРЯ с начала XXI в.

Тем не менее это не значит, что раньше метафор с таким значением у русского *кривой* никогда не было. Всем известно выражение *кривые руки* или *криворукий* в смысле ‘плохо справляющийся с ручной работой, неловкий, неумелый’; исторические словари дают и уже ушедшее из языка *кривоязычный* в смысле ‘не умеющий складно говорить’, т. е. такой, которого теперь называют *косноязычным*. Если верить в системность лексики и не допускать мысли о возможности в языке случайных и эпизодических явлений, тогда эти примеры свидетельствуют о существовании в прошлом семантического сдвига ‘нарушение формы’ → ‘несоответствие/ нарушение функции’, похожего на тот, который, судя по данным блогов и НКРЯ, становится продуктивным теперь. Тот переход реконструируется по двум оставшимся в языковой памяти сочетаниям с природными объектами, дольше всех сохраняющим предыдущее состояние системы. Новый переход в целом воспроизводит старый.

Этот семантический сдвиг можно считать особенностью русского языка по сравнению с китайским: в китайском ни 歪 wāi ‘кривой, перекошенный’, ни другие лексемы поля кривизны не развивают подобного значения.

Заключение

В статье был рассмотрен материал поля ПРЯМОЙ для двух далеких во всех отношениях языков — русского и китайского — в связи с возможностью семантических сдвигов. В целом, наши данные обнаружили бесспорное сходство и в логике этих переходов, и в мишенях метафорических значений. В зоне ‘прямого’ существует три основных направления метафоризации в обоих языках: 1) маршрут, 2) связь или отношение между людьми/явлениями и 3) отношение между мыслью и способом ее вербализации. А в зоне ‘кривого’ различаются оценочные (рус. *кривые руки/программы*, кит. 歪理 wāi lǐ ‘дурацкая (букв.: кривая) логика’) и безоценочные (рус. *извилистый путь/разговор*, кит. 弯路 wānlù ‘извилистый (букв.: изогнутый) путь’) метафоры.

Подобное сходство не может быть случайным — его обеспечивают общие когнитивные механизмы, лежащие в основе членения поля и природы семантических сдвигов в нем. Они же — причина универсальных явлений в лексике, которые мы ищем, занимаясь лексической типологией. В процессе наших исследований мы обнаруживаем, что некоторый эффект повторяется не только в не связанных друг

с другом языках, но и в истории одного и того же языка. По-видимому, таков переход ‘форма’ → ‘функция’ в истории русского языка для прилагательного *кривой*. Историческая цикличность правила дает надежду на его типологическую релевантность — это и есть пример совмещения задач историка языка и типолога, представляющий, конечно, бесспорный интерес для теоретиков.

Литература

Бабаева 2006 — Е. Э. Бабаева. Формирование семантической структуры слова простой в русском языке // Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2006. С. 761–845.

Бабаева 2010 — Е. Э. Бабаева. Антонимия: проблемы толкования и реконструкции становления (на примере прилагательных с сильно развитой многозначностью) // Проспект активного словаря русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2010. С. 221–281.

Брицын и др. 2009 — Концепт боль в типологическом освещении / Под ред. В. М. Брицына, Е. В. Рахилиной, Т. И. Резниковой, Г. М. Яворской. К., 2009.

Вежбицкая 2001 — А. Вежбицкая. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.

Зализняк 2001 — А. А. Зализняк. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.

Зализняк 2006 — А. А. Зализняк. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

Кашкин 2013 — Е. В. Кашкин. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.

Круглякова 2010 — В. А. Круглякова. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Кустова 1998 — Г. И. Кустова. Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 19–40.

Кюсева, Рыжова, Холкина 2012 — М. В. Кюсева, Д. А. Рыжова, Л. С. Холкина. Прилагательные *тяжелый* и *легкий* в типологической перспективе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18). В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М., 2012. С. 247–255.

Лучина 2014 — Е. С. Лучина. Пути грамматикализации лексем со значением ‘прямой’. Дипломная работа / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2014.

Майсак, Рахилина 2007 — Глаголы движения в воде: лексическая типология / Под ред. Т. А. Майсака, Е. В. Рахилиной. М., 2007.

МАС — Словарь русского языка. В 4-х т. 4-е изд., стер. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.

Наний 2012 — *Л. О. Наний*. «Прямой», «кривой» и «косой» как источники признаковых метафор (на материале китайского и русского языков). Дипломная работа / РГГУ. М., 2012.

Наний 2016 — *Л. О. Наний*. Прилагательные простейших форм и размеров китайского и русского языков в типологическом аспекте. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>.

Ожегов, Шведова 2006 — *С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 2006.

Ошанин 1983 — Большой китайско-русский словарь. В 4-х томах / Под ред. И. М. Ошанина. М., 1983.

Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Плунгян, Рахилина 2000 — *В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина*. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог под // Исследования по семантике предлогов / Под ред. Д. Пайара, О. Н. Селиверстовой. М., 2000. С. 115–133.

Рахилина 2000 — *Е. В. Рахилина*. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000. (2-е изд. — 2008, см. на сайте rakhilina.ru).

Рахилина 2010 — Лингвистика конструкций / Под ред. Е. В. Рахилиной. М., 2010.

Рахилина, Плунгян 2007 — *Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян*. О лексико-семантической типологии // Глаголы движения в воде: лексическая типология / Под ред. Т. А. Майсака, Е. В. Рахилиной. М., 2007. С. 9–26.

Рахилина, Прокофьева 2004 — *Е. В. Рахилина, И. А. Прокофьева*. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания. № 1. 2004. С. 60–78.

Рахилина, Резникова 2013 — *Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова*. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. № 2. 2013. С. 3–31.

ССКЯ — *Xiandai hanyu cidian*. Словарь современного китайского языка. Изд. 5. Пекин, 2005.

Срезневский — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912.

Толстая 2008 — *С. М. Толстая*. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

Толстой 1963 — *Н. И. Толстой*. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I // Вопросы языкознания. № 1. 1963. С. 29–45.

Толстой 1966 — *Н. И. Толстой*. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. II // Вопросы языкознания. № 5. 1966. С. 16–37.

Толстой 1995 — Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995.

Холкина 2014 — *Л. С. Холкина*. Качественные признаки в китайской лексике. Опыт типологического описания. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014.

Boroditsky 2001 — *L. Boroditsky*. Does language shape thought? Mandarin and English speakers' conceptions of time // *Cognitive Psychology*. Vol. 43. № 1. 2001. P. 1–22.

Dobrovolskij, Piirainen — *D. Dobrovolskij, E. Piirainen*. Figurative language: cross-cultural and cross-linguistic perspectives. Amsterdam; Heidelberg, 2005.

Goddard 2006 — *Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context* / Ed. C. Goddard. Berlin, 2006.

Goddard 2008 — *Cross-Linguistic Semantics* / Ed. C. Goddard. Amsterdam, 2008.

Haspelmath 1997 — *M. Haspelmath*. From Space to Time: Temporal Adverbials in the World's Languages. München; Newcastle, 1997.

Koptjevskaja-Tamm 2008 — *M. Koptjevskaja-Tamm*. Approaching Lexical typology // From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations / Ed. M. Vanhove. Amsterdam/Philadelphia, 2008. P. 3–52.

Lakoff 1993 — *G. Lakoff*. The Contemporary Theory of Metaphor // *Metaphor and Thought*. 2nd ed. / Ed. A. Ortony. Cambridge, 1993.

Lakoff, Johnson 2003 — *G. Lakoff, M. Johnson*. *Metaphors We Live By*. London, 2003. (Originally published: Chicago, 1980).

Langacker 1987 — *R. W. Langacker*. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. I. Theoretical Prerequisites. Stanford, California, 1987.

Levinson 2003 — *S. C. Levinson*. *Space in language and cognition: explorations in cognitive diversity*. Cambridge, 2003.

Rakhilina, Plungian 2013 — *E. V. Rakhilina, V. A. Plungian*. Time and speed: Where do speed adjectives come from? // *Russian linguistics*. Vol. 37. № 3. 2013. P. 347–359.

Ekaterina V. Rakhilina

*National Research University Higher School of Economics /
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Lyudmila O. Nanij

*National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)*

STRAIGHT AND CURVED: SEMANTIC SHIFTS

This study is performed within the framework of lexical typology. The article discusses semantic shifts in the semantic field of basic forms 'прямой' ('straight') / 'кривой' ('crooked'). The material is Russian and Chinese attributive words: *прямой* ('straight'), *извилистый* ('sinuous'), *изогнутый* ('curved'), *кривой* ('crooked') in Russian and 直 *zhí* ('straight'), 曲 *qū* ('sinuous, tortuous'), 弯 *wān* ('curved'), 歪 *wāi* ('crooked, skew') in Chinese.

The results suggest that there are three common metaphorical shifts in STRAIGHT zone. There are also shifts more specific to Russian and Chinese, the so-called implicative shifts, which, however, are also repeated in a larger sample of languages.

In the field of NON-STRAIGHT most significant is the role of assessment. There are metaphors involving assessment (Rus. *кривые руки / программы* ‘crooked hands / software’, Ch. 歪理 wāi lǐ ‘stupid logic’) as well as non-involving assessment (Rus. *извилистый путь / разговор* ‘tortuous path / conversation’, Ch. 弯路 wānlù ‘tortuous path’) metaphors.

Some shifts are repeated not only in unrelated languages, but also in the history of the same language. Apparently, this is the case for the shift ‘form’ → ‘function’ (Rus. *кривой* ‘crooked’) in the history of Russian.

Keywords: semantic field, lexical typology, Chinese, semantic shifts, ‘straight’ and ‘crooked’.